
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 008:94*Ю.Борев

Парадигмы Юрия Борева (к 90-летию со дня рождения теоретика культуры)

И.Н. АФАНАСЬЕВ

Исследуется роль литературы и культуры в обеспечении выживания человечества в переломные исторические эпохи. Теоретическое осмысление проблемы осуществляется на основе концепции «парадигм эпох», которая была предложена Юрием Боровым. Сделан вывод об исторической роли белорусской литературы в сохранении национальной идентичности и государственном строительстве, которые рассматриваются в контексте Чернобыльской катастрофы и проблематики постмодерна.

Ключевые слова: Чернобыль, национальная литература, культура, формула бытия, постмодерн, парадигма эпохи.

The role of literature and culture serving the survival of mankind in the crucial historical eras are examined. Theoretical understanding of the problem is based on the concept called «era's paradigms» offered by Yuri Borev. The article contains the conclusion of the historical role of Belarusian literature in keeping the national identity and state building, which are considered in the context of the Chernobyl disaster and the postmodern problematic.

Keywords: Chernobyl, national literature, culture, the formula of being, postmodern, era paradigm.

Несколько лет тому назад известный московский литературовед, знаток России и Востока, эрудит и полиглот, выступая перед студентами филологического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, подверг сомнению современный научный лексикон, который изобилует иноземными словами. Из множества примеров, на которые указал гость, особенно запомнился один: слово «парадигма». Внятное, «свойское» для древнего грека (в переводе с греческого: пример, образец), у нас оно никак не соразмерно изначальной простоте и порой уводит в лукавое мудрствование, которое ищет опоры в новых толковых словарях. Однако когда другой эрудит и энциклопедист, доктор филологических наук, профессор, академик Академии художеств России, патриарх отечественной эстетики, президент Независимой Академии эстетики и свободных искусств Юрий Борисович Боров в 2006 г. предложил гуманитарному сообществу провести международную научную дискуссию на тему «Парадигма современной эпохи: Исторические идеалы и смыслы бытия человека и человечества, формируемые культурой», использованное им терминологическое клише не отпугнуло. И не только потому, что цепь боревских «парадигм» как раз и начиналась с древнейшей эпохи и Античности. Толкователем лексикона у Ю.Б. Борева выступила жизнь: «Культура каждой эпохи выдвигает свою концепцию мира и личности, дает парадигму (формулу бытия человечества: идеалы, цели и смыслы бытия, путь – дао). Жизнь эпохи определяется этой парадигмой. Рассматривать историческое развитие следует не только по формациям, определяемым экономикой, но и по эпохам, определяемым культурой <...> Однако в этом отношении эпоха конца XX в. – начала XXI в. принципиально отличается от всех прежних (впервые в истории новая эпоха не имеет новой парадигмы...)» [1, с. 10].

В Беларуси после Чернобыля изысканно оснащенная риторика умолкает перед грубой, неподатливой конкретикой (или, во всяком случае, должна бы...). Конкретны 132 километра, разделяющие четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС и Гомель. «Конкретна» определенная немота, даже беспомощность культуры в ее попытках осуществить себя в новых исторических обстоятельствах, которые иезуитски отрицают самую историю в величинах распада и полураспада, пожирающих время. «Конкретна» неподъемная ноша национальной литературы и культуры, остающейся, как и в России, культурой преимущественно литературо-

центричной. Все мятежные годы новейшей истории она пребывает в поиске своего собственного статуса, на полюсах которого – возможная политическая ангажированность внутри и недопонимание того, насколько катастрофична ситуация с сохранением национальной самобытности белорусского свидетельства о человеке и мире – извне.

Давно общим местом в дискуссиях стала мысль о посредничестве Беларуси между Западом и Востоком. Словно маятник в крайней точке разгона, Беларусь стремится к равновесию и, повинувшись закону тяготения, претворяет возвратное движение в свой исторический шаг. О «часовщиках» ее истории вспомнит В. Орлов в повести «Сны императора» – исторической фантазмагии о судьбе Наполеона. В предсмертном островном заточении вчерашний повелитель мира на грани миража и яви переживает трагедию упущенной победы, которую не пожелал подарить Беларуси, предпочтя двинуться дальше, к Смоленску и Москве. И в этом размахе маятника истории не многим отличился от соперника, именно ему препоручив свой шанс, который в оценке автора-историка уподобляется всё тому же незаменимому элементу часового механизма: русский царь Александр «пад уплывам фаварытаў <...> увесь час вагаўся, быццам маятнік, – ад думкі аднавіць Вялікае Княства Літоўскае да ідэі канчаткова ператварыць яго ў расейскую правінцыю» [2, с. 348]. И даже там, где сладость и горечь мечты уступали место ратному противоборству, это возвратно-поступательное движение определяло драму исторического выбора. Наступление маршала Удино на Петербург сорвано контратакой тех самых гродненских гвардейцев российского генерала Якова Кульнёва, которых еще в 1807 году наполеоновские солдаты с «уважением и страхом» прозвали «синими гусарами»: «Здаецца, штандары ў сініх амаль такія самыя, як у палка Дамініка Радзівіла, таго, што першы (с Наполеонам. – И.А.) уступіў у Вільню. Толькі ў адных – двухгаловы расейскі арол, а ў другіх – Пагоня, герб Вялікага княства» [2, с. 366].

Это динамичное равновесие истории в самые жаркие моменты противостояния Запада и Востока позволяло сохранять аутентичность Беларуси, забытой могучими соседями. Но столь же неизбежно проблема исторического посредничества проникала и в них самих. Неслучайно евразийский аспект представлен в парадигмах Ю.Б. Борева, а прежде – обоснован русской классической традицией, вплоть до блоковского «скифства» и бердяевских откровений по этому поводу. Актуальная для Беларуси проблема государственности как фактора новой парадигмы эпохи, который в нашем случае соединил опыт национального государства европейского уровня (Великое Княжество Литовское), его трагической утраты, советского возрождения и нынешней державной суверенности, не такая уж новинка для русского гуманитарного сознания в переломные эпохи. Годы гражданской войны пьянили воображение эстетов грянувшим «скифством», доверяли терзания молодого революционного духа анархо-крестьянской вольнице и в «Голом годе» Б. Пильняка поощряли бегство народа от собственного государства, без которого легче было сбросить себя.

В XX в. само белорусское государство, гарантирующее жизненно важные потребности этноса, состоялось первоначально в качестве, которое присутствует едва ли не в каждой из парадигм эпох на уровне идеальных, мыслительных установок, которые схематично, но содержательно представлены Ю.Б. Боровым в их исторической последовательности: парадигмы античности и средних веков, Возрождения и барокко, классицизма и Просвещения, сентиментализма и романтизма, реализма и социалистического реализма, наконец – объединенная парадигма «модернизма и постмодернизма». Послеоктябрьский опыт национального государственного строительства явился результатом эстетического усилия, в основе которого лежал этнографический интерес новой белорусской литературы к сермяжному, тихому, толерантному и безвестному белорусу-землепашцу, выжившему вне городской культуры (вне государства?) старой Беларуси.

Чернобыль парадоксальным образом обратил на белорусов взоры всего мира. Однако самой нации надлежало преодолеть эту трагедию, вырваться из-под чудовищного гнета причины, в которой явление народа миру было неразделимо с его окончательным, гибельным исходом. Общенациональная беда психологически и эстетически замещалась в ожиданиях культуры, которая манила возможностью альтернативы, свободной от жестоких установленных реальностью истории. Последняя не знала обратимых событий, однако была столь же бес-

сильна перед альтернативной реальностью культуры, которая еще не утратила сакральной функции привычного жизненного пространства для народа, веками приученного к виртуальному (или, если воспользоваться терминологией С. Лема, «фантоматическому») существованию. Наше «прекрасное прошлое» оказалось здесь весьма кстати и предъявило те механизмы культуры в их эстетическом преломлении, которые отсылают нас к шкале парадигм Ю.Б. Борева, еще не искореженной чернобыльским взрывом. Гипотетическое возвращение к *пред-состоянию* катастрофы происходило через утверждение традиционных, канонических парадигм (в частности, соцреалистических), из которых возникал предпочтительный либо мыслимый вариант социально-политического устройства.

Известный немецкий философ Петер Козловски в этапной для современной европейской философии книге «Культура постмодерна» (1987) писал: «Целостность прошлого, настоящего и будущего не может быть сконструирована и объяснена, она может быть лишь вообразена и рассказана; история без дыр, контекст без провалов возможны лишь как рассказ. Общество без такого метарассказа религии, это общество без культурной контекстуальности» [3, с. 167]. Конфликт культуры и техники, над которым теоретически размышляет П. Козловски, для белорусов после Чернобыля – «знак судьбы», реальность житейского выбора. Цитируя немецкого философа, народ, которого однажды уже окрестили «чернобыльским», просто-напросто формулирует свою метафизическую задачу, в которой понятия «контекстуальность», «контекст» перестают быть философской абстракцией и становятся средой обитания, где нужно уцелеть, вырвавшись за пределы «контекста» катастрофы, но не утратив самой «контекстуальности» как свойства культуры, а следовательно – нашей данности в большом, необъятном мире. Разве не может наше бегство от Чернобыля звучать на языке философии, например, так: «Культура есть уход за чем-либо, что уже и без нее имеет место... Техника же представляет собой производство того, что без человека не существовало бы во все. Техника производит артефакты (искусственно сделанные предметы), культура завершает уже созданное природой или данным, что не творится изначально *ex nihilo* (лат.: из ничего – И.А.). <...> В противоположность технике культура ориентирована на контекстуальность и универсальность» [3, с. 11–12].

Чернобыль, явив себя *ex nihilo*, превращает контекст (среду) в ничто. Всю совокупность отношений, в которых находятся события, предметы, лица, определяя, по П. Козловски, саму истину в этой контекстуальности бытия [см.: 3, с. 12], катастрофа сводит к единичному «просвету» технической истины, погружая весь мир во мрак. «Модерн не знает больше никакого мета-нарратива, никакого совместного рассказа и никакой трансценденции по ту сторону функционального. В этом состоит его бесконтекстность, – формулирует П. Козловски философский диагноз XX в., исчерпавшему себя в убийственном техницизме. – Одна прямоугольная постройка стоит рядом с другой, и с тех пор, как появился единый “интернациональный стиль”, такие постройки трудно как-то охарактеризовать» [3, с. 166]. Мертвый саркофаг рядом с энергоблоками умирающей АЭС. Пепелища и руины деревень в зоне. Жизнь как метафора философской доктрины.

И ее опровержение.

Можно вместе с интеллектуалом П. Козловски задержаться в 1987 г., его глазами увидеть в модерне опыт «утраты контекста», на смену которому приходит постмодерн как «попытка восстановить утраченную связь» [3, с. 167]. Можно даже сложить дребезги истории в универсальный метатекст, исключив из него по рекомендации автора только марксистский «суррогатный рассказ» в виде диалектического и исторического материализма [см.: 3, с. 166]. Однако не пострадает ли от этого преемственность контекста, как она, по убеждению философа, была оборвана в период национал-социализма в Германии [см.: 3, с. 167]? Кто в XXI в., узнавшем цену постмодернизму не в гипотезе, а наяву, будет отрицать то, что современность, презрев «суррогатные» (для 1987 г.) истины марксизма, захлебнулась не «суррогатной», а вполне себе настоящей кровью?

Философа Ю.Б. Борева печалит земные несчастья, которые объединяют у него модерн и постмодерн в одну парадигму, не позволяя им убежать, удалиться друг от друга: «Парадигма модернизма и постмодернизма: человек – принципиально одинокая личность, не при-

емлющая социальную организацию (в том числе и государственную); мир абсурден и враждебен личности. Главная категория – хаос. Главный вид искусства – любой. Эти направления отвергают традиционную культуру, поскольку она не спасла мир от мировых войн и других бедствий. Кризис модернистской и постмодернистской парадигмы обусловлен историческим опытом, обретенным человечеством к концу XX в., когда выяснилось, что ослабленная государственность не лучше тоталитаризма и что сбрасывать классическую культуру с корабля современности губительно для общества» [1, с. 16].

Чернобыль – наставник безжалостный, неумолимый. Быть может, чрезмерная сосредоточенность на его жестоком уроке небыдупречна с точки зрения общей мозаики истории, в которой и эта трагедия – всего лишь элемент глобальной картины мира. Но если этот элемент вместе с девятью миллионами белорусов вдруг будет утрачен, то кому такая «формула бытия» и «парадигма эпохи» нужна? Пренебрегая единственностью белорусского (имярек – любого) национального опыта, как быть с общим знаменателем, лежащим в основе всей парадигмы эпохи, которая была предложена к обсуждению? Возможен ли он? И возможна ли парадигма?

«Когда невозможно действовать – создают идеалы», – напоминает Ю.Б. Борев [1, с. 18]. А значит, национальный универсум культуры не может не быть мировым. И даже пересмешники парадигм Ю.Б. Борева, противопоставляя их сниженный вариант научному канону, невольно подчиняются диктату альтернативы, которая и обуславливает равенство культуры себе самой. В заключении по итогам дискуссии Ю.Б. Борев иронизирует над ее академической важностью и пересказывает бытующий анекдот: «Приходит на беседу к духовнику девица (длинная до пят юбка, скромная блузка и платок, закрывающий всё и вся). Обращается духовное чадо, опустив очи долу, к священнику: “Батюшка! Что вы думаете по поводу концепта парадигмы. Пожалуйста, проинтегрируйте идеалы и глобализируйте парадигму”. Батюшка: “Замуж, дура!!! Срочно замуж!!!”» [1, с. 172].

Вместо «мировоззренческой черной дыры» [1, с. 18] – неопровержимая воля жизни. Всемирный закон. Парадигма мира...

Литература

1. Борев, Ю.Б. Парадигма современной эпохи / Ю.Б. Борев // Академические тетради: Исторические идеалы и смыслы бытия человека и человечества, формируемые культурой / Комиссия научного совета по культуре при Президиуме РАН «Искусство и духовная жизнь общества», Независимая Академия эстетики и свободных искусств. – 2006. – № 10. – С. 10–22.
2. Арлоў, У. Сны імператара: Апавяданні, аповесці, эсэ / У. Арлоў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – С. 333–380.
3. Козловски, Петер. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски. – М. : Республика, 1997. – 240 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 21.05.2015